МНЕНИЕ 26.01.2017 | Аднан Табатабай

Больной вопрос

Накануне президентских выборов в Иране ядерное соглашение оказалось под давлением

Прошел год после имплементации ядерного соглашения между Ираном и странами с правом вето в Совете Безопасности ООН плюс Германия (P5+1), и эйфория от этого события в значительной мере улетучилась. В США Дональд Трамп во время предвыборной борьбы грозил провести ревизию данного соглашения, а в Иране, где оно отождествлялось с надеждой на экономический подъем, появляются первые сомнения. Иранки и иранцы еще не чувствуют в своих кошельках никакого улучшения жизненных условий. Правда, прибытие первого из многих закупленных пассажирских авиалайнеров Airbus A321 – уже настоящая сенсация после десятилетий эмбарго. Далее последуют остальные «аэробусы» и «боинги», и наконец-то гражданская авиация Ирана станет безопасной. Однако до тех пор, пока не вырастет количество рабочих мест, не понизится стоимость жизни и не усилится покупательная способность, экономически слабая часть общества, которая в цифровом выражении составляет абсолютное большинство 80-миллионного населения Ирана, будет спрашивать, куда делась ее «доля» от ядерной сделки.

Противники ядерного соглашения в Иране могут спекулировать на этих настроениях и оказывать давление на правительство президента Хасана Роухани (Hassan Rouhani). Они будут делать все возможное, чтобы превратить прошлогоднюю эйфорию в разочарование и помешать повторному успеху Роухани на президентских выборах 19 мая 2017 года.

Сейчас для Роухани реальной альтернативы ни на политическом, ни на общественном уровне нет. В самом конце прошлого лета революционный лидер аятолла Хаменеи (Ajatollah Khamenei) настоятельно рекомендовал его предшественнику Махмуду Ахмадинежаду (Mahmud Ahmadinedschad) не выставлять свою кандидатуру. А другая очень популярная в Иране, но чрезвычайно спорная личность на международном уровне, бригадный генерал Касем Сулеймани (Qassem Soleimani) по собственной инициативе

торжественно заверил, что он до конца своей жизни хочет оставаться «солдатом революции», и исключил свою политическую карьеру. На самом деле эти двое – именно те, кто мог бы мобилизовать сильный электорат против Роухани.

Выборы в Иране похожи на крещендо с сильнейшей кульминацией за несколько дней до голосования, поэтому не исключено появление кандидатов-сюрпризов и новых вариантов динамики событий.

Все остальные значимые политические личности являются акторами из непосредственного окружения Роухани. Спикер парламента Али Лариджани (Ali Laridschani) будет точно так же мало выступать против Роухани, как бывший министр иностранных дел Али-Акбар Салехи (Ali-Akbar Salehi). Такие личности, как Мохаммад-Реза Бахонар (Mohammad-Reza Bahonar), Голям-Али Хаддад Адель (Gholam-Ali Haddad Adel) или Али-Акбар Велаяти (Ali-Akbar Velayati), постоянно участвуют в диалогах, но им попросту не хватает нужной харизмы, чтобы сыграть соответствующую главную роль. А вечный кандидат и мэр Тегерана Мохаммад-Багер Галибаф (Mohammad Bagher Ghalibaf) в прошлом году вынужден был бороться с весомыми обвинениями в коррупции, из-за чего и потерял свою популярность. Но так как выборы в Иране похожи на крещендо с сильнейшей кульминацией за несколько дней до голосования, то не исключено появление кандидатов-сюрпризов и новых вариантов динамики событий.

По мнению многих обозревателей, один из вариантов такой новой динамики может инициировать кончина политического тяжеловеса Али-Акбара Хашеми Рафсанджани (Ali-Akbar Haschemi Rafsandschani). Нельзя игнорировать то обстоятельство, что Рафсанджани, который с 1989 до 1997 года сам был президентом, вместе с Мохаммадом Хатами (Mohammad Khatami), известным президентом-реформатором в1997-2005 годах, сыграл решающую роль в победе Роухани на выборах в 2013-м. В системной элите Роухани был уже тогда признан, но именно Рафсанджани и Хатами позаботились о его популярности у народа. Когда и Роухани, и Рафсанджани в феврале 2016 года успешно баллотировались за 16 мест от Тегерана в Совете экспертов, в который входят 88 авторитетных духовных лиц Ирана, то Рафсанджани при наличии более двух миллионов голосов вошел в этот гремиум победителем по

списку столицы (Роухани был третьим). Это поясняет поддержку Рафсанджани среди населения.

Но насколько весомым фактором окажется смерть Рафсанджани в действительности? Правда в том, что не настолько весомым, как утверждают в настоящее время.

Но насколько весомой окажется эта политическая потеря в действительности? Правда в том, что не настолько весомой, как утверждают в настоящее время. Рафсанджани был очень значимой фигурой, но, конечно же, не главным стратегом или организатором реформ. Он, говоря точнее, проводил предметно-ориентированную, прагматичную политику, которая реализовывалась над различными политическими фракциями. Фактически во время президентства Хасана Роухани к сегодняшнему дню бинарно сформированный фракционный ландшафт между реформаторами (eslahtalab) и верными принципам (osulgera) размягчился и обогатился третьим лагерем – умеренными (e'tedaliyun) в качестве «третьего пути». Так, Роухани вступил в политическое наследство Рафсанджани еще в 2013 году. Своим авторитетом среди политических, экономических и клерикальных элит Рафсанджани особо поручился за внешнюю и экономическую политику Роухани. В краткосрочной перспективе Роухани будет не хватать этого авторитета, но в среднесрочной и далекой перспективе он дорастет до исполняемой роли. В конечном счете сторонники Рафсанджани не откажутся от Роухани только потому, что Рафсанджани ушел в мир иной.

Кроме того, можно полагать, что у Роухани падает с плеч известный политический груз, так как приличная часть его противников становилась у него на пути только из-за того, что Роухани воспринимался как протеже Рафсанджани. Политические соперники Роухани не могли смириться с тем, что экономически и политически настолько влиятельный Рафсанджани все еще был релевантным. С его смертью в определенной степени исчезает «красная тряпка», приводившая в ярость сторонников жесткой политики. Ядерное соглашение они отвергают до сегодняшнего дня главным образом из-за тревоги о том, что его следствием может оказаться нормализация отношений с Западом и ненавистным «великим

сатаной», то есть Соединенными Штатами Америки.

С избранием Дональда Трампа такая перспектива, однако, так или иначе сейчас опять нереальна. Потому что даже относительно дружелюбное к Америке правительство Роухани едва ли по своей инициативе будет искать продолжения прямых переговоров с Вашингтоном при президентстве Трампа, как это было при Бараке Обаме и министре иностранных дел Джоне Керри (John Kerry). Лишь это снова позволяет спокойно спать самым ярым противникам Роухани.

Тегеран довольно невозмутимо отреагировал на победу Трампа на выборах. В случае победы Хиллари Клинтон правительство США также могло поставить под вопрос ядерную сделку.

Тегеран довольно невозмутимо отреагировал на победу Трампа на выборах. В случае победы Хиллари Клинтон правительство США также могло поставить под вопрос ядерную сделку, даже если она как представительница демократов имела бы больше побудительных мотивов оставить его неприкосновенным.

В ответ Трампу Тегеран подчеркнул, что ядерное соглашение представляет собой многостороннее достижение стран «P5+1» с Ираном и Европейским союзом, которое к тому же поддержано резолюцией 2231 Совета Безопасности ООН. Поэтому расторжение соглашения для США политически крайне дорогостоящее, а Иран всю вину может возложить на Америку. Скорее всего, Вашингтон будет предпринимать различные меры, чтобы навредить Ирану, при этом не нарушая соглашение. Например, такие, как уже состоявшееся продление закона о санкциях против Ирана на последующие 10 лет. Иран в свою очередь будет реагировать на это испытаниями ракет и военными маневрами. Такие действия тоже не нарушают соглашение, но неизбежно способствуют разногласию.

Чтобы с учетом этого разногласия сохранить в силе ядерную сделку, потребуется дипломатическая поддержка со всех сторон. Верховный представитель ЕС Федерика Могерини (Federica Mogherini) уже задала для этого правильный тон. Даже из Тель-Авива и Риада при всей критике Ирана призывают к тому, чтобы не расторгать соглашение. Пересмотр договорных условий, как рекомендует Международная антикризисная группа (International Crisis Group), будет категорически отвергаться Тегераном, так как при этом – с

иранской точки зрения – можно лишь потерять достигнутое: будут прибавлены новые требования (например, о прекращении ракетных испытаний), продлен срок соглашения или сокращен допустимый объем иранской ядерной программы. Это едва ли можно преподнести Ирану с поощрением (по принципу «больше за большее»). Поэтому остается в силе задача: несмотря на шум, гам и «трамп-тарарам» – в любом случае сохранить ядерную сделку.

Аднан Табатабай
Берлин

Аднан Табатабай (Adnan Tabatabai) руководит неправительственным исследовательским Центром прикладных исследований в партнерстве с Востоком (Center for Applied Research in Partnership with the Orient, CARPO) и консультирует депутатов бундестага, министерство иностранных дел, политические фонды, а также писателей и журналистов по политическим вопросам, касающимся Ирана. Кроме того, он проводит курсы по социологическому и политологическому анализу проблематики Ближнего и Среднего Востока.